

Прошина Е. М., Гушч В. В.

К вопросу об эффективности региональной национальной политики в РФ (на примере Дагестана)

Прошина Елена Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Кандидат философских наук, профессор
elena_proshina@mail.ru

Гушч Владимир Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры истории и политологии
guschvl07@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются факторы, с помощью которых можно оценивать эффективность реализации Стратегии государственной национальной политики в национальных республиках и полиэтнических регионах Российской Федерации. Предложенные факторы разработаны с учетом специфических особенностей республики Дагестан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная национальная политика Российской Федерации, факторы оценки эффективности национальной политики, республика Дагестан

Proshina E. M., Gushch V. V.

On the Question of the Effectiveness of Regional National Policy of the Russian Federation (on an Example of Dagestan)

Proshina Elena Mikhaylovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
PhD in Philosophy, Professor
elena_proshina@mail.ru

Gushch Vladimir Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of History and Political Sciences
guschvl07@rambler.ru

ABSTRACT

The article discusses the factors that can help evaluate the effectiveness of implementation of the Strategy of the state national policy in the national republics and multiethnic regions of the Russian Federation. The proposed factors designed to meet the specific features of the Republic of Dagestan.

KEYWORDS

the state national policy of the Russian Federation, the factors evaluating the effectiveness of national policies, the republic of Dagestan

В начале XXI в. актуализировался этнический, внутриконфессиональный кризис, свойственный ряду ближневосточных стран, где столкнулись представители разных

внутриисламских религиозных течений (Ирак, Ливия, Египет, Сирия, Афганистан). Это сопровождалось изменением баланса сил, государственных границ, появлением новых государственных образований, таких как ИГИЛ (Исламское Государство), военными конфликтами, разрывом интеграционных связей и ослаблением экономического потенциала вовлеченных в этот процесс государств.

На фоне распада и дезинтеграции государств и государственных союзов (СЭВ) наблюдается другой процесс — объединения и интеграции западноевропейских государств, расширение Евросоюза, разрастание НАТО, постепенно впитывающих в себя «обломки» прежних государств. По-существу, идет новый скрытый передел мира, использующий межэтнический и религиозный протестный потенциал государств.

В связи с этим одной из приоритетных задач национальной безопасности России является выработка системного вектора развития национальной политики, устойчивого к динамичным изменениям внешней и внутренней среды и учитывающего культурные, этнические и религиозные особенности субъектов, входящих в РФ.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных, «полиэтнических» государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей¹. В состав РФ входит 21 национальная республика², а с 2014 г. (после присоединения Крыма) — 22.

Российское государство никогда не ставило перед собой задачи насильственной культурно-языковой ассимиляции, «обезличивания» народов, входящих в его состав. Об этом свидетельствует преемственность курса национальной политики Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. В настоящее время в РФ используются 277 языков и диалектов, а в государственной системе образования — 89 языков, из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения³, в то время как во всем мире идет языковая ассимиляция, и «число малых языков стремительно сокращается» [5, с. 19]. На Северном Кавказе этот курс был определен в имперский период трудами генерал-майора, лингвиста-кавказоведа барона Петра Карловича Услара. Он являлся создателем алфавитов многих северокавказских языков, в том числе дагестанских (табасаранского, лакского, лезгинского, аварского, даргинского и пр.) [2].

На современном этапе преемственность в сохранении культурного многообразия народов РФ нашла свое отражение в российской государственной национальной политике, основной курс которой сформулирован в следующих нормативно-правовых актах: Конституция РФ от 1993 г.; Федеративный договор 1992 г.; Закон «О языках народов Российской Федерации» № 1807/1 от 25 октября 1991 г.; Закон «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г.; Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» № 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г.

Принципиально важный характер имеет Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., определяющая основной вектор развития национальной политики на федеральном уровне. Именно на основе этого Документа ведется разработка целевых программ с учетом специфических особенностей субъектов РФ, переданная на региональный уровень. Однако региональные чиновники, компетентность которых не всегда соответствует сложности решаемых ими проблем, часто не способны справиться с этими задачами.

¹ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения: 12.01.2015).

² Конституция РФ. Глава 3. Федеративное устройство. Ст. 65. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/1993/12/25/konstituciya.html> (дата обращения: 13.01.2015).

³ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения: 12.01.2015).

На наш взгляд, разработку таких важных программ нельзя принимать исключительно на региональном уровне, особенно в национальных республиках, где русское население является национальным меньшинством — менее 20%. Это *критически низкий процент* присутствия русского населения в мононациональных республиках. Дальнейшее снижение его приводит к ряду негативных явлений, таких как: ослабление федеральной вертикали власти; замкнутости информационного поля внутри субъекта федерации; рассеивание управленческого импульса, исходящего из «центра»; разрушение паритетного баланса в органах региональной власти; отсутствие управленческой прогнозируемости региональных властных элит.

Совокупность этих факторов в мононациональных республиках свидетельствует об образовании национально-территориального анклава, угрожающего территориальной целостности РФ. Любой дезинтеграционный процесс на территории РФ начинался именно с «вытеснения» русского населения.

По данным, приведенным в табл. 1, можно наблюдать динамику убывания русского населения в северокавказских республиках с 1989 по 2010 гг.

По данным табл. 1 можно выделить два сформировавшихся на территории РФ «анклава» (выделены нами красным цветовым индикатором) — это Ингушетия и Чечня, две мононациональные республики с высочайшим уровнем бытового национализма, где процент русского населения за 12 лет сократился в 28,9 и 13,1 раза, соответственно. Желтым цветовым индикатором выделены северокавказские республики (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия), где процент коренного населения приблизительно соизмерим с процентом русского населения (последствия Кавказской войны 1829–1864 гг.). В этих республиках, в результате образовавшегося этнического баланса, сложился социально-экономический и национально-политический паритет.

Зеленым индикатором выделены республики с самым благоприятным этнонациональным климатом и с низким уровнем (по меркам Северного Кавказа) бытового национализма, где коренное население представлено в полном объеме, согласно их историческому ареалу расселения. Отдельно стоит выделить Дагестан, как полиэтническую республику, где 3,6% русского населения в этнополитической раскладке сопоставимы по значимости с 20% в мононациональной республике, поскольку в Дагестане некоторые коренные государственообразующие народы, например лезгины, представлены 13,3% от общей численности населения¹. Следует отметить тот немаловажный факт в области межнациональных отношений, что народы этой республики не подвергались в XX в. массовым репрессиям и депортациям по национальному признаку в отличие, например, от чеченцев и ингушей.

В связи с этим разрабатываемые целевые программы, национальные стратегии и другие действия в вопросах национальной политики на территории Северного Кавказа должны учитывать следующие факторы: исторический опыт взаимодействия национальной периферии и центра; ментальные особенности народов, сложившиеся на основе адатов и некоторых норм шариата, советско-коммунистической идеологии и стихийного культа потребления; религиозный исламский фактор (суфизм с его тарикатами, нарастающий конфликт между суфиями и салафитами); этнополитический баланс во властных региональных структурах и многие другие специфические особенности Северокавказского региона.

Важным аспектом реализации Стратегии ГНП является выработка факторов и критериев, на основании которых будет оцениваться эффективность принятых мер и реализованных программ.

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 14.01.2015).

**Процент русского населения в северокавказских республиках
(по данным Всесоюзной и Всероссийской переписей населения
1989, 2002, 2010 гг.)**

Республики СКФО	Процент русского населения в северокавказских национальных республиках		
	1989	2002	2010
Ингушетия	23,1	1,2	0,8
Чечня	24,8	3,7	1,9
Карачаево-Черкесия	42,4	33,6	31,6
Кабардино-Балкария	32,0	25,1	22,5
Северная Осетия (Алания)	29,9	24,1	20,8
Дагестан	9,7	4,8	3,6

Примечание: Таблицы, содержащиеся в статье, разработаны В. В. Гущем для текста диссертации.

Данные за 1989 г. включают районы ЧИ АССР, ныне относящиеся к Чеченской и Ингушской республикам.

Работ по теме эффективности ГНП в общедоступном научном информационном поле явно недостаточно, не выделены критерии (в том числе и в самой «Стратегии»), по которым эффективность будет оцениваться, нет и общепринятого определения понятия «*эффективность национальной политики*». Факторы и критерии для оценки эффективности программ и стратегий, проводимых в области национальной политики, находятся на стадии разработки и, как правило, носят обобщенный характер, не всегда учитывающий специфику региона [1, 3, 6, 7]. Согласимся с утверждением С. В. Устинкина, что «доктрина национальной политики, действовавшая с 1996 г. по декабрь 2012 г., в сущности, являлась формальным концептом, ибо за 16 лет не была выбрана системная оценка эффективности реализации национальной политики» [6, с. 10].

Среди определений эффективности государственной национальной политики (ГНП), можно выделить определение, предложенное Н. М. Морозовой, которая понимает под эффективностью ГНП «результативность действий власти по изменению характера межэтнических отношений в соответствии с нормативно-правовыми документами, регулирующими эту сферу общественной жизни» [3, с. 7].

В коллективном исследовании «Эффективность реализации этнонациональной политики» авторами предложены общие критерии оценки эффективности ГНП, как способы или методика, с помощью которой будет оцениваться эффективность программ ГНП на разных стадиях реализации ее программ (от разработки нормативно-правовой базы до принятия решений и подведения итогов) [6].

Однако в работах авторов, занимающихся этими проблемами, не проанализированы факторы, влияющие на развитие национального процесса в регионах, которые нельзя не учитывать и при анализе эффективности государственной национальной политики в целом. Речь идет о следующих факторах: отток населения, наличие анклавов, количество терактов и пр. Указанные факторы разделены нами на ОБЩИЕ (характерные для всех субъектов РФ, но рассмотренные нами в рамках дагестанской и религиозно-мусульманской специфики) и СПЕЦИФИЧЕСКИЕ (в нашем случае для Дагестана).

Дагестан выбран нами как специфический субъект РФ. По справедливому утверждению В. А. Тишкова, Дагестан — это «не просто многонациональная республика, он представляет собой синтез множества этносов. История их геополити-

ческого и социокультурного единства уходит в историческое прошлое»¹. Дагестан находится на стыке двух политических культур — восточной и западной, что повлияло на создание уникальной северокавказской полиэтнической культуры с адатами и нормами жизни традиционного горского общества. Дагестану, как стыковому региону, свойственен ряд конфликтов ближневосточных стран: например, внутриконфессиональный конфликт между традиционным и нетрадиционным исламом (суфиями и салафитами). Как полиэтничному региону, ему свойственен конфликт между этническими группами за представительство в региональных органах власти.

Являясь пограничным регионом, Дагестан находится в эпицентре идеологического влияния ряда стран и сил извне: международных террористических и религиозно-миссионерских организаций, иностранных разведок, агентов и систем. Эти силы заинтересованы в экономической, политической, религиозной и идеологической дестабилизации Дагестана как субъекта РФ, формирующего политический климат в Северокавказском регионе. Это выражается в экспансии радикального ислама, «арабизации»² дагестанского культурного пространства, получившей широкое распространение в молодежной среде. Проблема усугубляется высочайшим уровнем коррумпированности региональных чиновников, террористической угрозой, исходящей со стороны вооруженных бандформирований. Но самой опасной, на наш взгляд, тенденцией является постоянный отток русского населения, который влечет за собой разрыв целостности общекультурного духовно-идеологического российского пространства и свидетельствует о недоверии как региональным, так и федеральным властям.

Основанием для недоверия служит пример русского населения, оставшегося за пределами РФ после распада Советского Союза во вновь образовавшихся независимых государствах Закавказья и Средней Азии и подвергающегося всевозможным гонениям и притеснениям по национальному признаку³.

С учетом всего вышесказанного и на основании анализа проблем республики Дагестан мы предлагаем оценивать эффективность федеральной национальной политики по ряду общих и специфических факторов, разработанных нами и представленных в виде сводной табл. 2.

Рассмотрим общие факторы.

1. *Отток населения из субъекта федерации.* В полиэтничном регионе, каким является Дагестан, массовый отток представителей одного из многочисленных этносов косвенным образом может свидетельствовать о проблемах в области национальной политики, выраженных в религиозно-конфессиональных конфликтах; экономических, социальных и террористических угрозах; в проявлении бытового национализма.

Особое внимание следует уделять оттоку русского населения из национальных республик, в которых русские по факту являются национальным меньшинством, но осуществляют исключительно важную функцию культурно-идеологической, духовной связи национальной периферии с центром. Как отмечалось выше,

¹ Тишков В.А. Республика Дагестан. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika2.html (дата обращения 14.01.2015).

² Амелина Я. Намерения исламистов в России серьезны как никогда // Российский институт стратегических исследований. 30.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.riss.ru/index.php/my-v-smi/2103-yana-amelina-namereniya-islamistov-v-rossii-serjozny-kak-nikогда>. VLFnd3sjHGg (дата обращения: 10.01.2015).

³ Родионов К. Между империей и национальным государством // Независимая газета. 24.06.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-06-24/9_democracy.html (дата обращения: 20.02.2016).

Факторы, влияющие на оценку эффективности федеральной национальной политики

Общие факторы (для всех регионов)	Специфические факторы (для республики Дагестан)
1. Отток населения из субъекта федерации	1. Арабизация дагестанского культурного пространства
2. Наличие обособленных этнических и религиозных анклавов, общин, диаспор и джамаатов на территории РФ	2. Уровень вовлеченности молодежи в радикально-религиозные течения
	3. Наличие этнонациональных конфликтов, как в самой республике, так и за ее пределами с участием дагестанцев
	4. Кланово-тухумный коррупционный фактор

в Дагестане русские составляют 3,6%¹ от общей численности населения республики, это экстремально низкий процент, угрожающий территориальной целостности РФ. Русские представлены в основном тремя социальными группами: казачеством, исторически проживающим в двух районах — Кизлярском (12,33%) и Тарумовском (19,56%)²; семьями квалифицированных специалистов, оставшихся там с советских времен и проживающих в крупных городах (Махачкала, Каспийск и т. д.), и семьями военнослужащих. С 1989–2010 г. русское население в республике сократилось на 45,04 тыс. человек³. В 1989 г. оно составляло 9,7% от общей численности населения, т. е. фактически сократилось в 2,7 раза, причем, осталось в основном пожилое население, неспособное к самовоспроизводству⁴.

Следует отметить тот факт, что после распада Советского Союза в Дагестане более всего пострадали две этнические группы: русские и лезгины. Русские — в большей степени из-за экономического спада, приведшего к закрытию наукоемких предприятий и производств ВПК, а лезгины стали народом, разделенным между Россией и Азербайджаном (385,2 тыс.⁵ — проживают в РФ и 180,3 тыс.⁶ — в Азербайджане).

С помощью предложенной нами методики можно отслеживать отток населения по национальностям, возрастным группам из полиэтничных районов республики.

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.01.2015).

² Постановление Правительства республики Дагестан № 56 от 13 декабря 2013 г. «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы».

³ Постановление Правительства республики Дагестан № 56 от 13 декабря 2013 г. «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы».

⁴ Там же.

⁵ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.01.2015).

⁶ По данным переписи населения Азербайджана 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/azerbaijan-ethnic2009.htm> (дата обращения: 14.01.2015).

Одним из источников сбора информации могут служить идентификационные данные пользователей социальных сетей.

Табл. 3 актуальна для многонациональных городов и районов республики Дагестан. Выделены три группы — две возрастные и отдельно выделен выезд всей семьи. Первая группа (до 35 лет) в большей степени связана с естественными миграционными потоками, которые, как правило, обусловлены экономическими причинами (проблемами трудоустройства, низким уровнем зарплат и т. д.), а также фактором привлекательности больших городов (двух столиц). В первую очередь отток людей этой возрастной группы свидетельствует об экономических проблемах внутри субъекта федерации и требует внимания в случае его устойчивого роста в течение нескольких лет.

Граница двух возрастных групп (35 лет) обусловлена особой чертой психосоциальной ментальности народов Дагестана (переход от «джигита» к «аксакалу»). Увеличение оттока граждан второй возрастной группы (после 35 лет) требует повышенного внимания (особенно среди русского населения) и может свидетельствовать о существенных проблемах в области межнациональных отношений, нарушениях баланса сил в местных органах власти, связанных с «кланово-тухумными» традициями дагестанского общества. Эта группа требует особого внимания региональных властей.

Группа «семья» означает «выезд всей семьи», что свидетельствует о серьезных проблемах в области национальной политики, и каждый такой случай требует рассмотрения в индивидуальном порядке, а массовый отток семей требует незамедлительного вмешательства федеральных властей. Если выезжает вся семья, то должна указываться причина отъезда, которую следует фиксировать по месту новой регистрации после завершения всех юридических процедур, связанных с продажей жилья, перерегистрацией собственности и т. д. Сюда могут быть включены миграционные движения внутри самой республики. Например, переселение аварских семей из горных районов в Кизлярский и Тарумовский, которое,

Таблица 3

**Отток населения из республики Дагестан
по национальностям и возрастным группам**

Общее число граждан, выехавших из республики за год													
Национальность	русские			лезгины			кумыки			аварцы			Примечание
	до 35	после 35	семья	до 35	после 35	семья	до 35	после 35	семья	до 35	после 35	семья	
По районам и городам													
Кизлярский	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Тарумовский	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Махачкала	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Каспийск	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Хасавюрт	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Дербент	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
и т. д.	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	

Примечание: Данная таблица должна составляться ежегодно.

по нашему мнению, напрямую связано с политическим давлением на русское население в этих районах.

В 90-х годах XX в. русское население этих районов, посредством референдума, планировало выйти из состава республики Дагестан и перейти под юрисдикцию Ставропольского края [4, с. 97–98]. На наш взгляд, это является главной причиной высокого уровня этнической напряженности в этих районах, и косвенным образом влияет на отток из них русского населения.

2. Наличие обособленных этнических и религиозных анклавов, общин, диаспор и джамаатов на территории РФ.

Этот фактор свидетельствует о существовании замкнутых национально-религиозных систем в российском социальном пространстве, и косвенным образом указывает на присутствие этнокультурных и религиозных противоречий и проблем в области социокультурного взаимодействия между представителями разных национальностей. Каждое такое сообщество, обособленное по этническому или религиозному признаку, должно находиться под бдительным контролем силовых структур и спецслужб, так как является благодатной почвой для распространения экстремистских идеологий, особенно в молодежной среде, прикрываясь этнической и духовно-религиозной ширмой.

Для анализа эффективности федеральной национальной политики в республике Дагестан нами разработаны и предложены к рассмотрению следующие *специфические факторы*:

1. Уровень арабизации дагестанского культурного пространства.

Фактор, отражающий вытеснение народов республики из общероссийского культурного пространства и влекущий за собой утрату этнокультурной идентичности самих народов Дагестана. Эта тенденция наметилась в начале 2000-х годов, когда дестабилизирующие силы извне переключили свое внимание с Чечни на Дагестан.

Одним из методов учета этого фактора является мониторинг социальных сетей, поскольку основная идеологическая война протекает в виртуальном пространстве. Этот фактор должен отслеживаться и находиться в сфере особого внимания федеральных властей, так как для сохранения «единой политической нации при сохранении и развитии этнокультурного разнообразия народов России»¹ необходимо построение *общекультурного наднационального пространства*, которого в настоящий момент в республике Дагестан не существует, оно исчезло вместе с распадом Советского Союза.

2. Уровень вовлеченности молодежи в радикально-религиозные течения. Это фактор, являющийся следствием радикально-исламского миссионерства, плодотворной почвой для развития которого служит масштабная внутриреспубликанская коррупция. В определенном смысле возникновение и развитие этого фактора можно рассматривать как социальный протест, основанный на отсутствии профессионально-карьерного роста в молодежной среде, снижении общекультурного и образовательного уровня и отсутствии общенациональных «духовных скреп»².

Фактор 2 можно оценивать по увеличению числа радикальных исламских проповедников (ваххабитов) на территории Дагестана и по выезду молодежи из республики для участия в вооруженных ближневосточных конфликтах на стороне ИГИЛ. Этот фактор напрямую связан с уровнем внутриконфессиональной конфликтности в республике, выражающейся в противостоянии между традиционным и нетрадиционным исламом.

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Московские новости. 2012. 23 января. С. 1.

² Путин В.В. Послание к Федеральному Собранию 12.12.2012 [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 14.01.2015).

3. *Наличие этнонациональных конфликтов, как в самой республике, так и за ее пределами с участием дагестанцев.* На наш взгляд, учет этого фактора позволит выявить истинное положение вещей в области этноконфликтогенности и развеять миф об исключительной агрессивности дагестанцев среди других кавказских и закавказских народов.

4. *Кланово-тухумный¹ коррупционный фактор.* Он включен нами в общий список специфических факторов на основании авторских социологических исследований, проведенных в масштабных полевых научно-исследовательских экспедициях в 2012, 2013, 2014, 2015 годах в Курахском, Сулеман-стальском, Ахтынском, Дербентском, Докузпаринском, Табасаранском, Хунзахском, Шамильском, Гунибском, Акушинском районах Дагестана и крупных городах: Дербент, Дагестанские Огни, Каспийск, Махачкала, Буйнакск (Темирхан-Шура), Кизляр, Хасавюрт (*Материал этих исследований, дополненный данными 2015 г., будет основой следующей статьи*).

В подтверждение важности учета этого фактора приведем итоги социологического опроса на тему: «Представителей какого этноса вы хотели бы видеть в органах местной и региональной власти?». Выборка респондентов проводилась в нескольких полиэтничных районах Дагестана и городах (Махачкале, Каспийске, Дербенте и Кизляре) из числа представителей мужского населения разных возрастов и четырех этнических групп — аварцев, лезгин, даргинцев, кумыков. Результаты опроса свидетельствуют о том, что 83% респондентов на первое место поставили представителя своего этноса, а на второе (85% из числа опрошенных) — представителя русской национальности, аргументируя это тем, что «при нем (русском) будет больше порядка, меньше коррупции и засилья тухумных родственников в местных и региональных органах власти».

Изложенные выше предложения разрабатывались для конкретного субъекта Российской Федерации — республики Дагестан, с учетом тенденций ее развития на современном этапе. Выделенные нами факторы отражают специфические особенности республики, такие как полиэтничность, ментальную связь с Россией через язык и русскую культуру, которую многочисленные этносы Дагестана впитали посредством русского языка, как языка межнационального общения, а также учитывают политико-идеологическую и культурно-религиозную нагрузку, свойственную пограничным регионам, находящимся на стыке культур — западной и восточной.

Конечно, предложенные нами факторы не являются исчерпывающими, но без их учета невозможны ни объективная оценка эффективности современной региональной и государственной национальной политики Российской Федерации, ни определение перспектив их дальнейшего развития.

Литература

1. Адиев А. З. Методология оценки эффективности государственной национальной политики // Вестник российской нации. 2013. № 3–4. С. 107–120.
2. *Дагестанские языки* // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939. Т. 3. 634 с.
3. Морозова Н. М. Эффективность реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2013.
4. Новицкий И. Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. Краснодар : Здравствуйте, 2011.
5. Плунгян В. А. Лингвистика катастроф // Итоги. 2007. № 30 (216).
6. Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Морозова Н. М. Эффективность реализации этнонациональной политики // Власть. 2013. № 9. С. 10–15.

¹ Тухум — родственная группа у народов Кавказа (этнографический словарь; академик.ру <http://dic.academic.ru/dic.nsf/etno/634>).

7. Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Морозова Н. М. Национальный вопрос в РФ: подходы к решению // Власть. 2013. № 10. С. 87–91.

References

1. Adiev A. Z. *Methodology to assess the effectiveness of the state national policy* [Metodologiya otsenki effektivnosti gosudarstvennoi natsional'noi politiki] // Bulletin of the Russian nation [Vestnik rossiiskoi natsii]. 2013. № 3–4. P. 107–120. (rus)
2. *Dagestan languages* [Dagestanskii yazyki] // Literary Encyclopedia [Literaturnaya entsiklopediya]: in 11 volumes. M., 1929–1939. V. 3. 634 p. (rus)
3. Morozova N. M. *The effectiveness of the implementation of the state national policy of the Russian Federation* [Effektivnost' realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii]. Abstract. diss. ... Cand. Polit. Sciences. N. Novgorod, 2013. (rus)
4. Novitsky I. J. *Management ethnopoltitics North Caucasus* [Upravlenie etnopolitikoi Severnogo Kavkaza]. Krasnodar: Hello [Zdravstvuite], 2011. 270 p. (rus)
5. Plungian V. A. *Linguistics disasters* [Lingvistika katastrof] // Results [Itogi]. 2007. № 30 (216). (rus)
6. Ustinkin S. V., Rudakov E. K., Morozova N. M. *The effectiveness of the implementation of ethnic policy* [Effektivnost' realizatsii etnonatsional'noi politiki] // Power [Vlast']. 2013. № 9. P. 10–15. (rus)
7. Ustinkin S. V., Rudakov E. K., Morozova N. M. *The national question in Russia: approaches to solving* [Natsional'nyi vopros v RF. podkhody k resheniyu] // Power [Vlast']. 2013. № 10. P. 87–91. (rus)